

Глава 1
Бэртрада
Январь 1131 года

Я всегда знала, что могу добиться всего, чего захочу.

Конечно, я не была настолько наивной, чтобы не понимать — для получения желаемого следует приложить немало усилий, к тому же не все приходит сразу. Но в одном могу поклясться — ни разу я не познала поражения. Это давало мне повод гордиться собой, ходить с высоко поднятой головой, ничуть не стесняясь своего происхождения.

Да, пусть я была незаконнорожденной, но в то же время и принцессой Нормандской. Ибо мой отец — сам Генрих I Боклерк, герцог Нормандии и, свыше того, король Англии. Правда, в Англии я бывала редко, больше жила в континентальных землях отца. Я была «дитя двора», девица, выросшая в королевском окружении, незаконнорожденная принцесса, и пусть бы только кто попробовал мне сказать, что я не более чем одна из ублюдков моего любвеобильного батюшки.

Моя мать давно умерла. Я ее не помнила, знала только, что она была вдовой нормандского рыцаря, некогда обратившаяся с прошением к королю, а уж Генрих Боклерк редко упускал приглянувшуюся даму. Так я и появилась на свет, одна из множества его внебрачных детей. Но ко мне отец относился особо, так как я рано осиротела, и мне с няней Маго было позволено жить при дворе. Поэтому с раннего детства я дышала воздухом дворцовых тайн, училась понимать в них толк и использовать себе на пользу. Интриги!

Ничто так не волновало меня. Я жила этой жизнью, и она мне нравилась. О, я быстро научилась распознавать свою выгоду и никому бы не позволила себя обидеть.

А ведь в последний раз меня посмел задеть сам примас¹ Англии архиепископ Кентерберийский. Этот святоша во всеуслышание осудил мою манеру туго затягивать шнуровку платья, подчеркивая фигуру — дескать, тем самым я намеренно выставляю напоказ каждый изгиб тела и смущаю мужчин, вызывая у них плотские помыслы. Как будто мужчины не думают об этом ежедневно! Вдобавок этот лицемер съязвил, что ничего иного и не следовало ожидать от девицы, чья мать была шлюхой короля и чье имя сам Генрих уже и не помнит.

Кто бы снес подобное оскорбление? И я показала, что смогу отомстить даже главному церковнику Англии.

Кем это сказано, что Церковь вне юрисдикции короля? Уж по крайней мере не такого, как мой отец, — Генрих I держал всех этих длиннополых в кулаке. К тому же любой церковник является подданным короля. Поэтому я навела справки об архиепископе и выяснила, что примас благоволил саксам, этому грубому, мятежному племени, которое некогда огнем и мечом покорил мой грозный дед Вильгельм Завоеватель². Стоило ли об этом узнать королю? Разумеется. И уж я постаралась представить все в таком свете, что примас выглядел едва ли не смутьяном.

Наградой мне стала восхитительная сцена: отец устроил святоше гневный разнос, а под конец велел покинуть двор, заняться делами духовными и не совать свой нос туда, куда не следует.

¹ Примас — первый по сану или по своим правам священнослужитель в стране. (*Здесь и далее примеч. автора.*)

² Вильгельм Завоеватель (1028—1087) — первоначально герцог Нормандии, в 1066 г. завоевал Англию, где короновался как Вильгельм I и получил прозвище Завоеватель.

Пристыженный архиепископ Кентерберийский поспешил уехать, но, прежде чем он укатил, я постаралась, чтобы его известили, кто донес на него. Его последний укоризненный взгляд был мне слаще меда. Как порадовало то боязливое почтение, с которым стали относиться ко мне, поняв, какое влияние я имею на родителя. Ибо я была Бэртрадой Нормандской! Или Английской, если угодно. Так меня полагалось называть до той поры, пока я не выйду замуж и не стану носить имя супруга.

Вопрос замужества для меня, как и для любой девицы благородной крови, представлял немалый интерес. Я была честолюбива и не вышла бы ни за кого, кто бы не поднял меня до уровня настоящей госпожи с достойным титулом. А почему бы и нет? Сам Вильгельм I, мой дед по отцу, был рожден от внебрачной связи герцога Роберта Дьявола и дочери кожевенника Арлетты. А стал королем! Мои незаконнорожденные братья Роберт, Реджинальд и Бодуэн — могущественные вельможи Англии. Первый носит титул графа¹ Глочестера, второй Корнуолла, а третий — Девоншира. И, тресни моя шнуровка, я не желала для себя меньшего!

В мои двадцать два года я это уже ясно осознавала. Ведь кроме огромной суммы, выделенной мне в приданое — пять тысяч фунтов полновесным серебром! — не стоило сбрасывать со счетов и то, что я красавица.

Об этом мне говорило не только зеркало и моя льстивая Маго, но и взоры мужчин. Да, я знала, что красива. У меня блестящие темные глаза цвета спелой вишни и золотисто-смуглая кожа, как у восточных красавиц. Этот золотистый отлив придает мне, нормандской девице, особую экзотичность. Рост у меня высокий, царственный, а фигура...

¹ В те времена граф был не столько титулованный дворянин, сколько правитель края (графства), имеющий вполне существенные полномочия в подвластных ему землях.

Мужчины глядят мне вслед, и я знаю — им есть на что посмотреть! Пояс, что обхватывает талию, я стягиваю на окружности не более семнадцати дюймов. Бедра у меня широкие, а грудь... Как сказал этот противный архиепископ — вызывает плотские помыслы. Лицом я удалась в отца-короля, оно у меня несколько худощавое, с чуть впалыми щеками, а рот... Пожалуй, рот я сочла бы несколько тонкогубым. Жестким, как говорит мой кузен Стефан Блуа. Но это истинный рот потомков Завоевателя.

Главное мое украшение — волосы. Пышные, вьющиеся мелкими кольцами и такие густые, что няня Маго не один гребень сломала, расчесывая их. На первый взгляд они могут показаться черными, но это только в полумраке сводов. На свету же в них явно поблескивает медь — но это вовсе не рыжина, а благородный красноватый отлив. Придворные поэты, сочиняя в мою честь баллады, так и не смогли точно определить их цвет: кто сравнивал их с отблеском факелов в полумраке, кто с ценным красным деревом. Но что мои кудри необычайно красивы, все признают в один голос. Поэтому я не люблю покрывать их вуалью или накидкой. Ну разве что, когда этого требуют приличия. В церкви, например.

Конечно, такая красавица, к тому же дочь короля и богатая невеста, вполне может рассчитывать на блестящую партию. При этом я до сих пор не помолвлена, а в таком возрасте уже просто неприлично оставаться в девицах. Моя сестра Матильда, рожденная в законном браке, уже дважды представала перед алтарем. Первый раз в двенадцать лет, и мужем ее был император Германский Генрих V. В двадцать три она овдовела, а в двадцать шесть вторично обвенчалась с юным графом Анжуйским Жоффруа. Матильда стала графиней Анжу, хотя ее еще все величают императрицей. Меня это выводит из себя, но я утешаюсь тем, что живут они с мальчишкой Анжу как

кошка с собакой. И неудивительно — с ее-то гордыней, да еще она на десять лет старше супруга. И все же я завидую Матильде: дважды замужем, два раза госпожа целого края! При этом именно она — любимица Генриха I. Но на то есть причины: у моего отца-кобеля более двадцати бастардов, имеющих полосу на левой стороне герба¹, и всего один законнорожденный ребенок — Матильда. Был у него и сын, наследник — принц Вильгельм. Но одиннадцать лет назад он погиб. Корабль, на котором Вильгельм с друзьями плыл по Ла-Маншу, затонул, и никто с тех пор не видел моего отца веселым.

Правда, одно время и я надеялась стать английской королевой.

Еще когда отец не оправился от потери принца Вильгельма и велись разговоры, кто же наследует корону, многие склонялись к тому, что Генрих сделает своим преемником племянника Теобальда Блуа. Теобальд был старшим сыном сестры отца, графини Адели, дочери Завоевателя, вышедшей замуж за графа Блуа. Меня это не волновало до тех пор, пока Теобальд не прибыл ко двору и не начал проявлять ко мне повышенное внимание. Тогда мне было пятнадцать лет, грудь и бедра у меня оформились, так что Теобальду было на что поглядеть. Я поняла, что подобное внимание предполагаемого наследника может сыграть мне на руку и возвести на английский трон. Я всячески поощряла ухаживания высокородного кузена и почти добилась своего. Почти. Ибо оказалось, что он уже помолвлен с дочерью герцога Каринтского. А помолвка в наше время приравнивалась к венчанию. Но я не отчаивалась, ибо, живя при дворе, не раз слышала, как расторгались подобные соглашения ради политических интересов. И я бы добилась

¹ Изображение линии на гербе с левой стороны — признак незаконного происхождения, так называемая бастардная полоса.